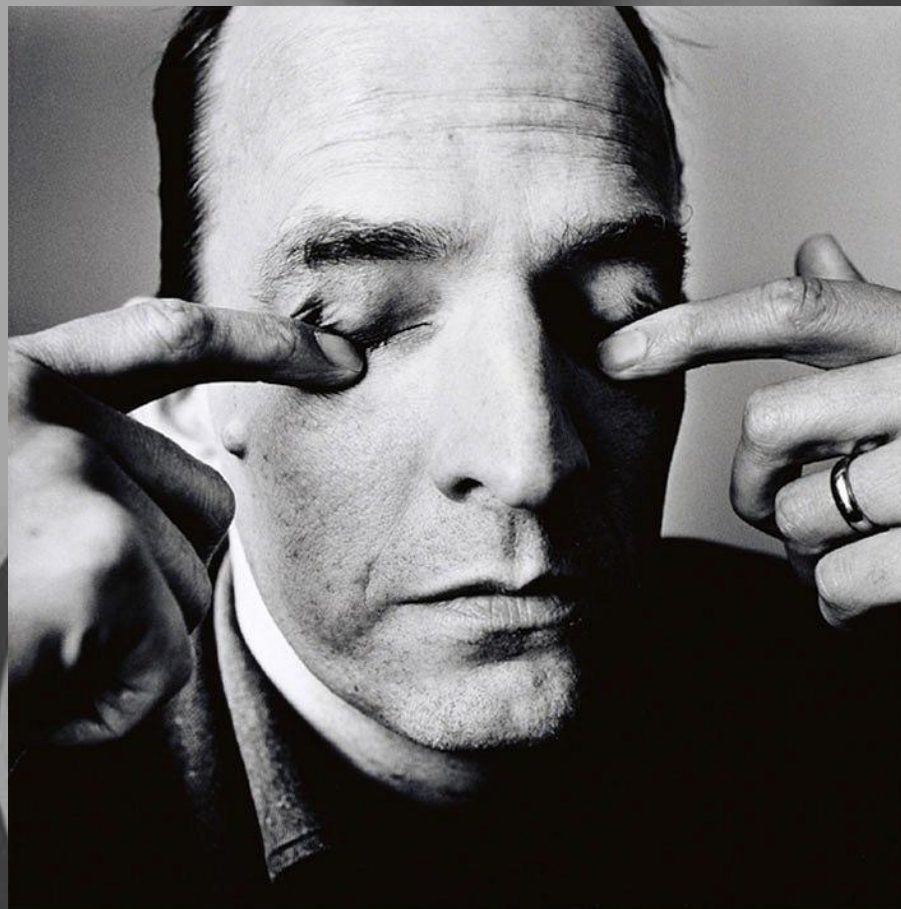
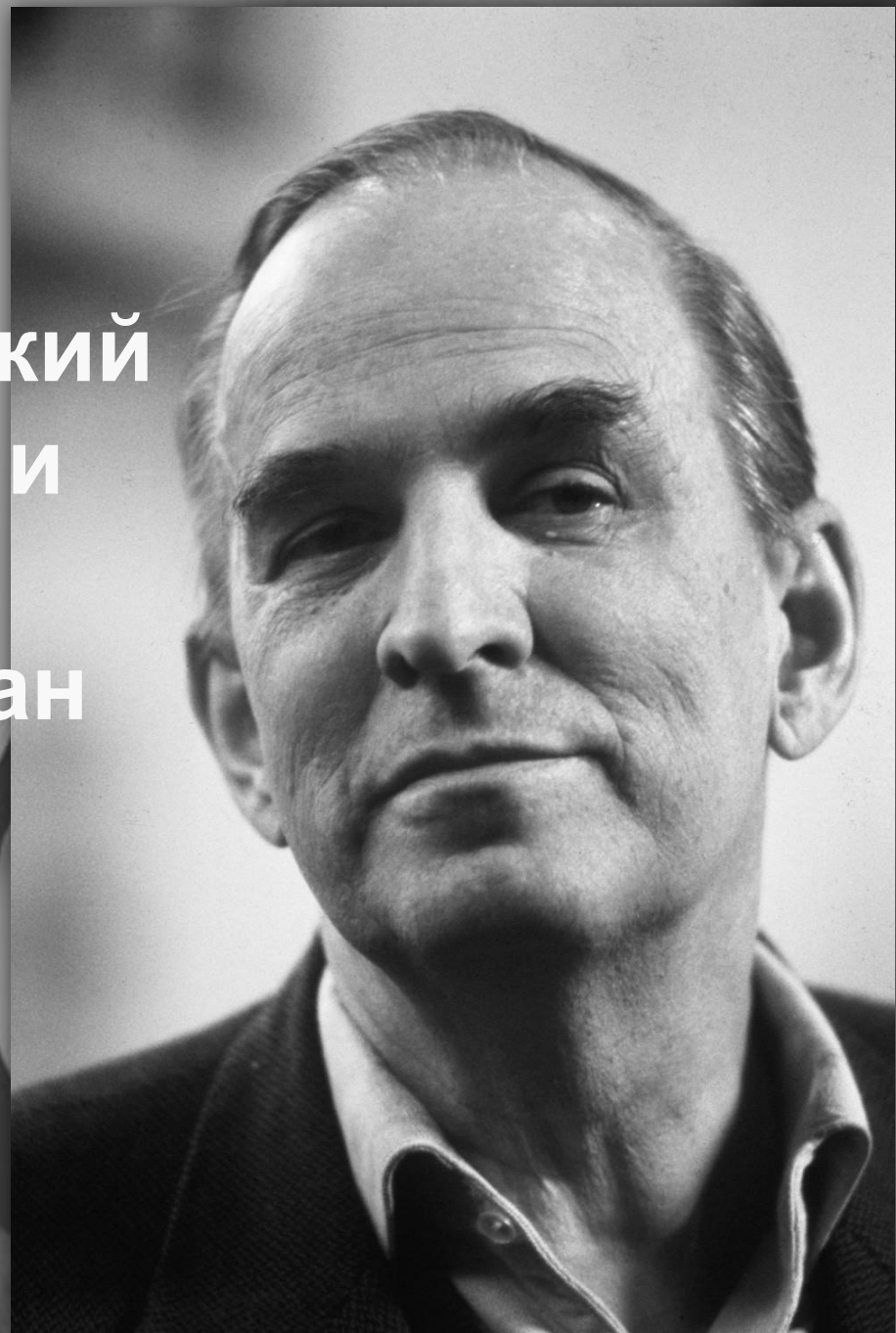
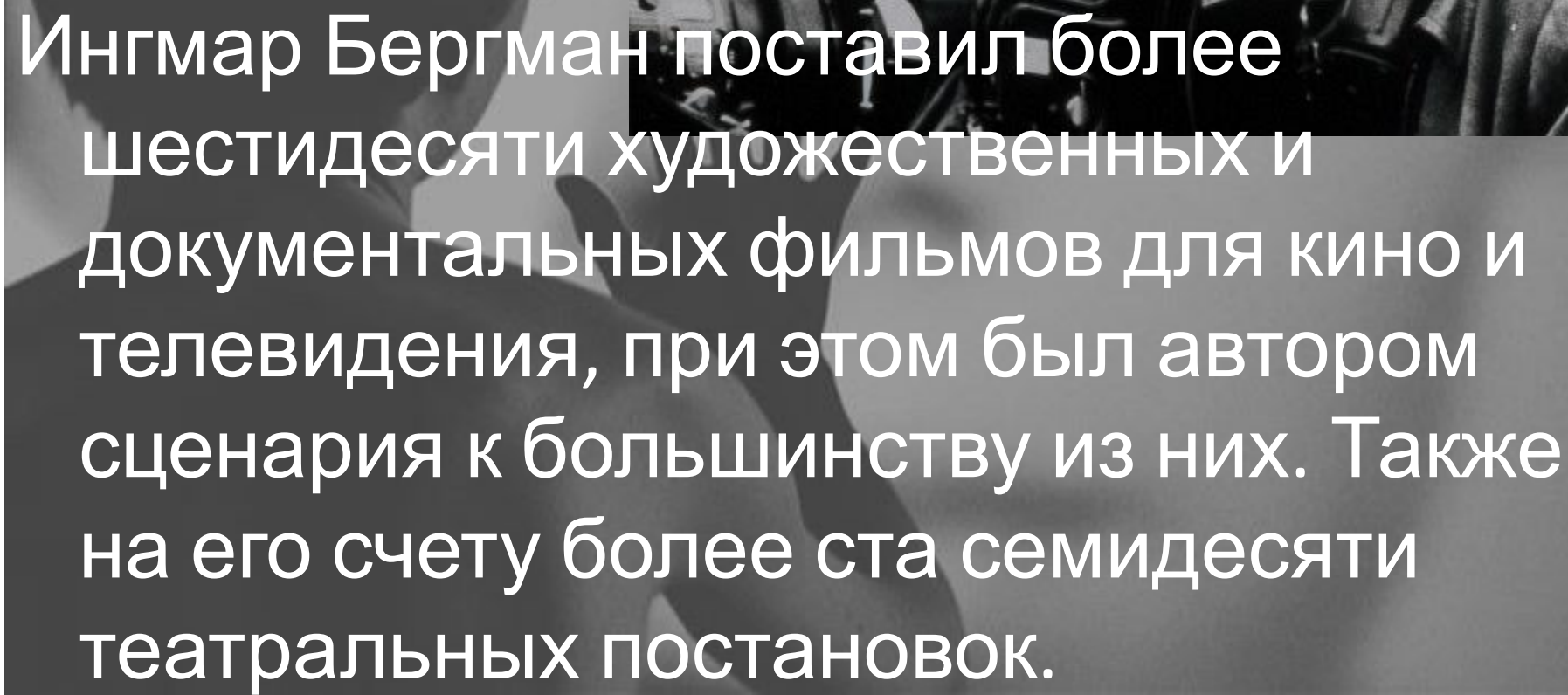

**Эрнст
Ингмар
Бергман**

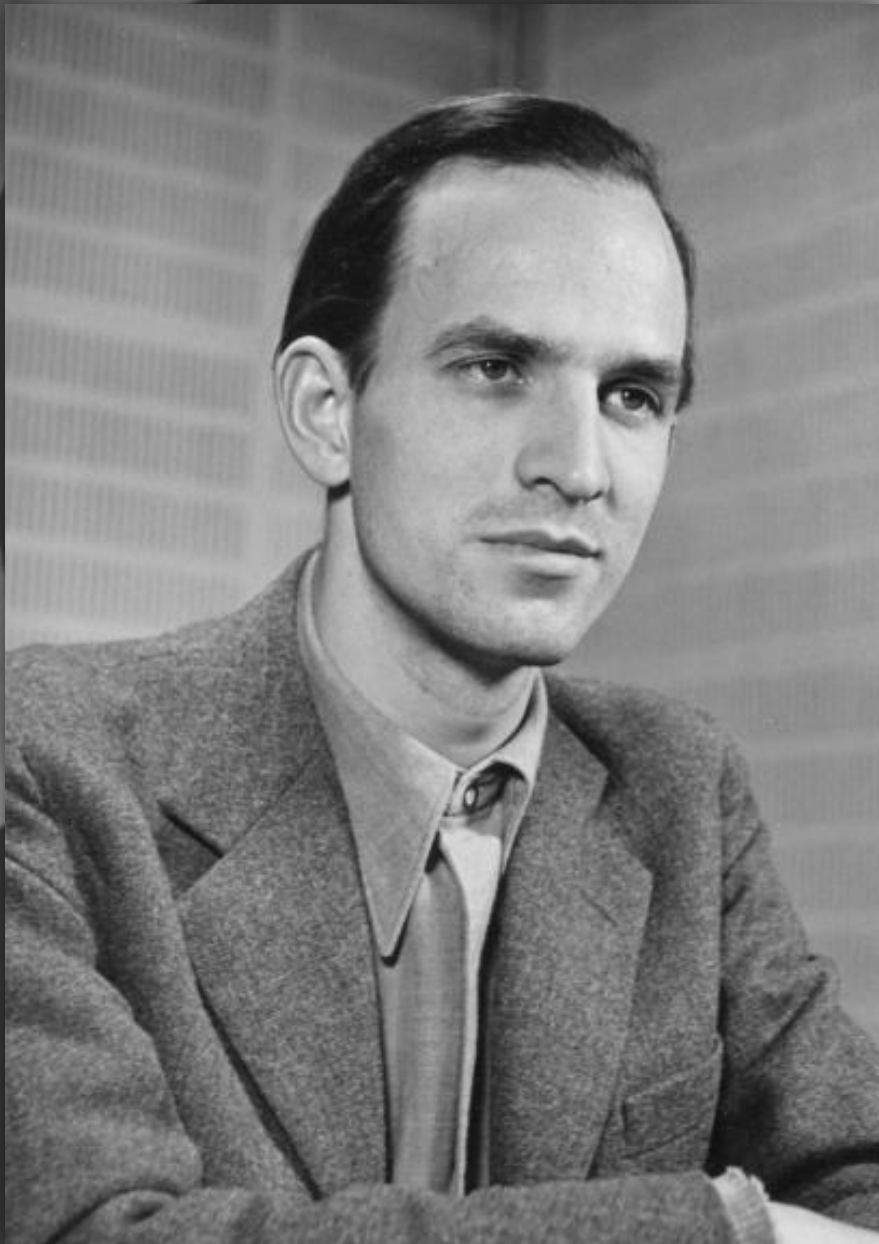

**Эрнст Ингмар
Бергман – шведский
режиссер театра и
кино, сценарист,
писатель. Признан
одним из
величайших
кинорежиссеров
авторского кино.**

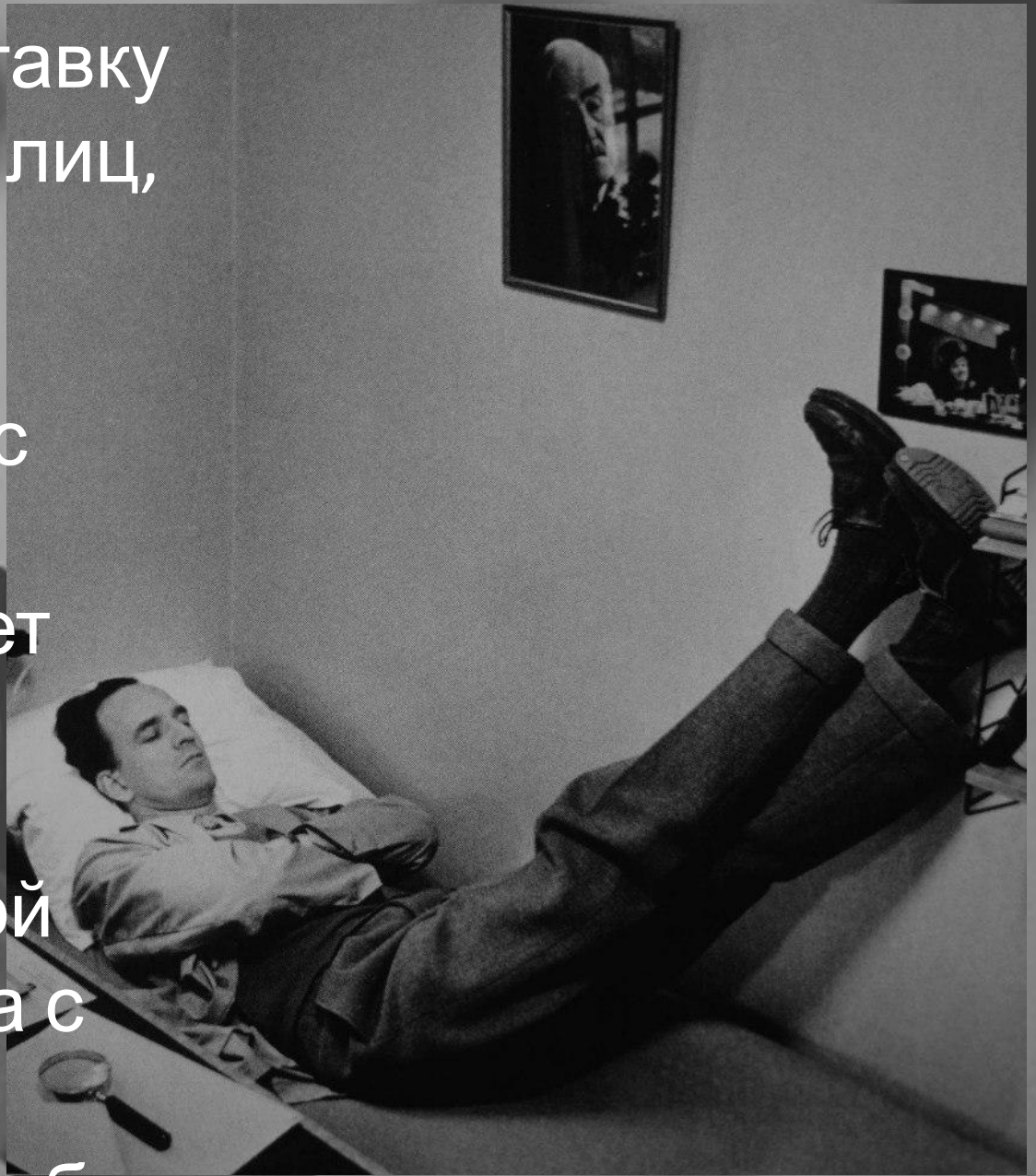

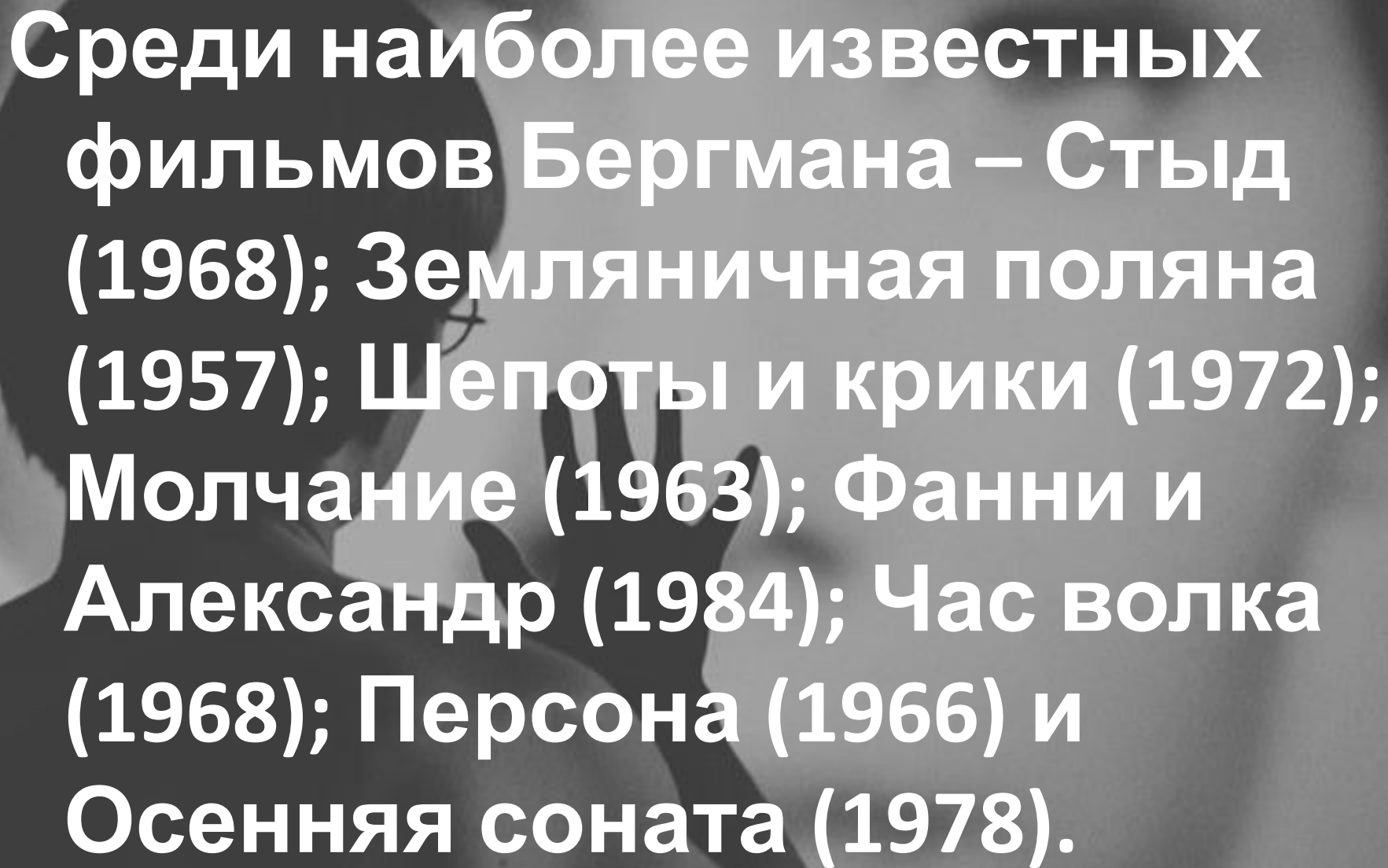
Ингмар Бергман поставил более шестидесяти художественных и документальных фильмов для кино и телевидения, при этом был автором сценария к большинству из них. Также на его счету более ста семидесяти театральных постановок.

Основные темы творчества Ингмара Бергмана — кризис религии, кризис традиционной семьи, кризис личности; поиски настоящих отношений между людьми.

Делая основную ставку на крупный план лиц, передающих сложную гамму чувств, Бергман с помощью своих актёров выражает сложнейшие переживания экзистенциальной встречи человека с правдой о мире внутри и вокруг себя.

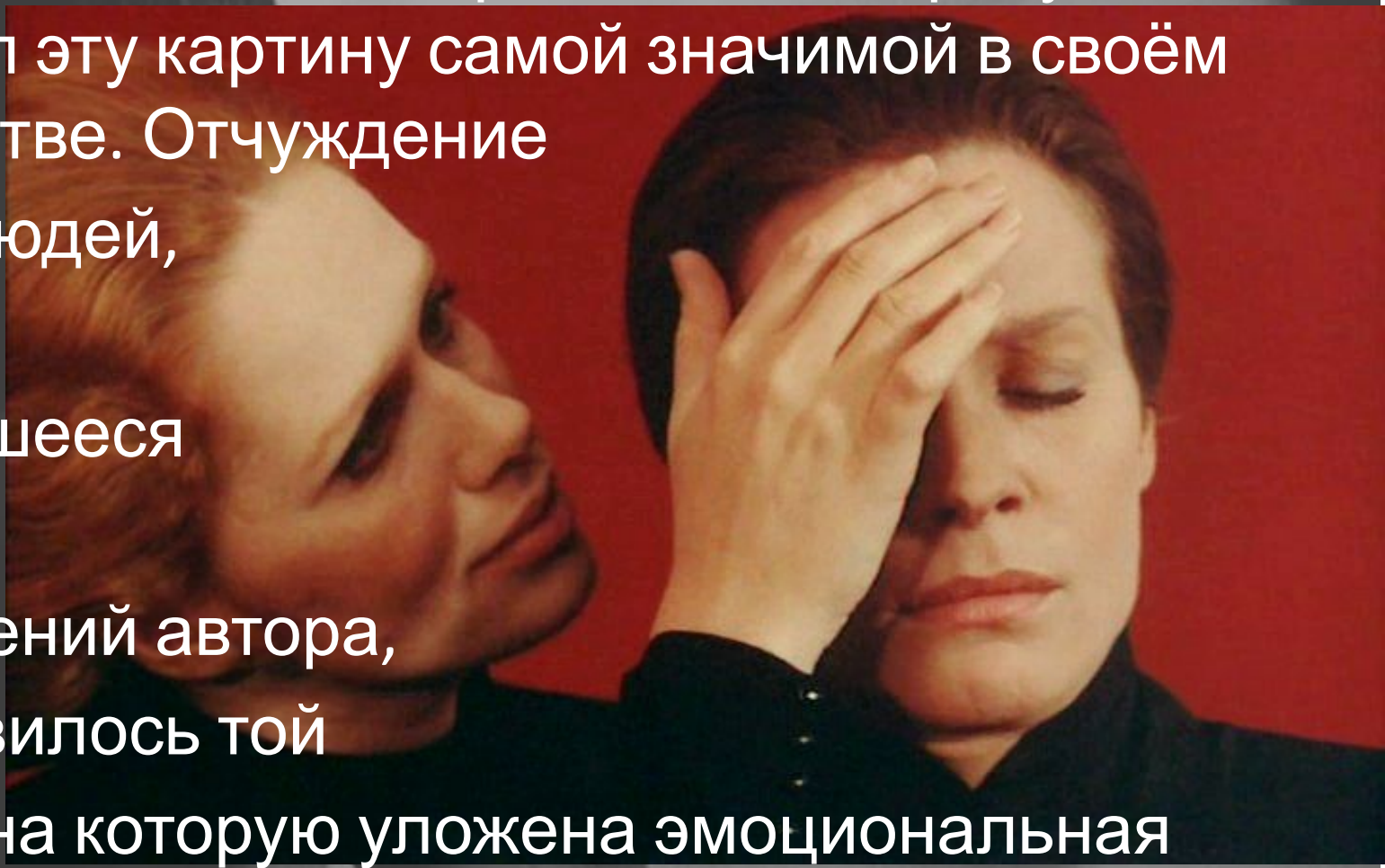
Среди наиболее известных фильмов Бергмана – Стыд (1968); Земляничная поляна (1957); Шепоты и крики (1972); Молчание (1963); Фанни и Александр (1984); Час волка (1968); Персона (1966) и Осенняя соната (1978).

В своей книге «Картины» Бергман писал:
«Я хочу сделать фильм о матери-
дочери, дочери-матери, и на эти две
роли я должен взять Ингрид
Бергман и Лив Ульман — их,
и только их...».

В своём фильме
«Осенняя соната»
Бергман
исследует тему
взаимного
непонимания
родных.

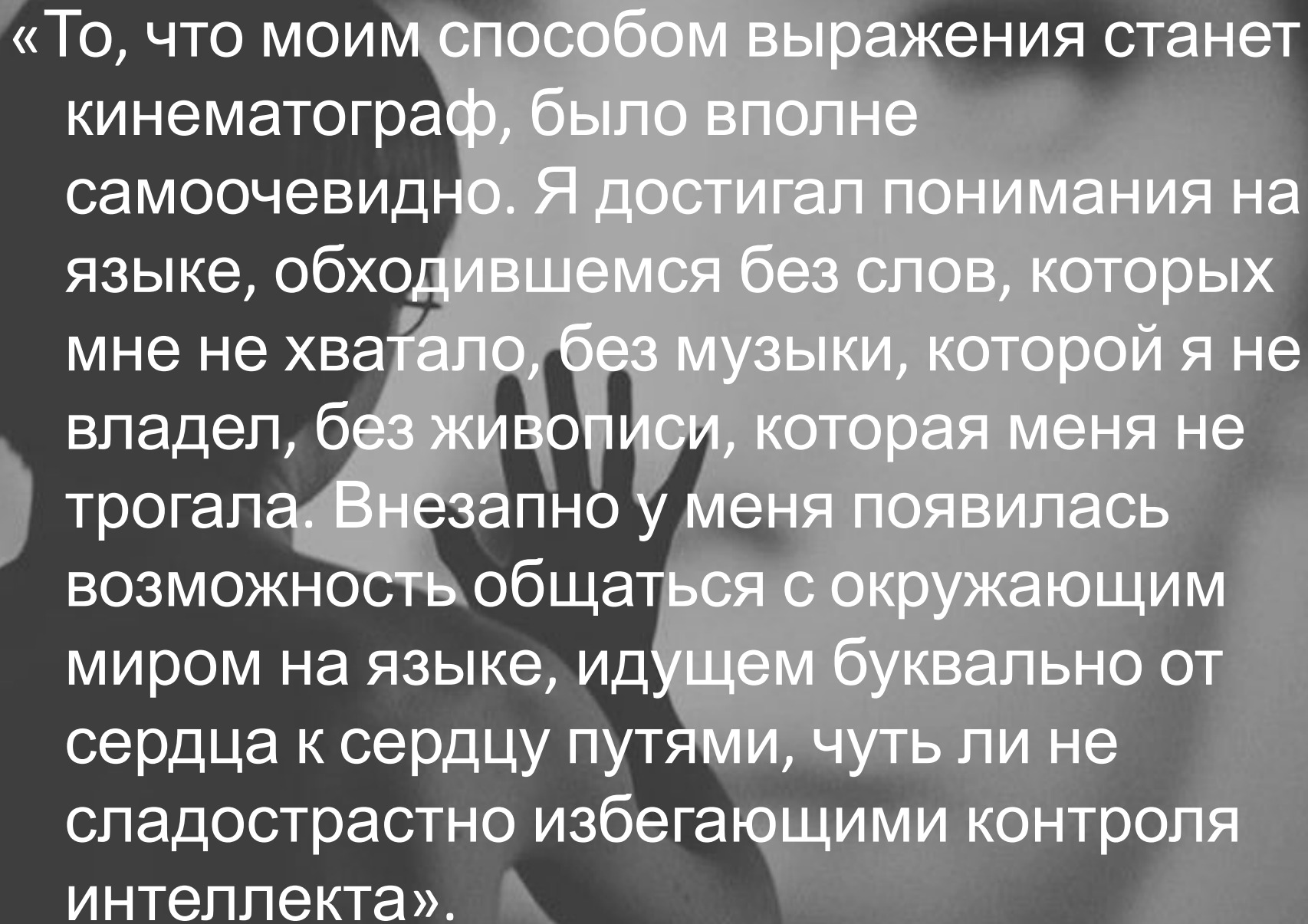
Фильм «Шёпоты и крики» собрал коллекцию из двадцати побед и семи номинаций на различных кинофестивалях. Сам Ингмар, ставший классиком европейского атрауса, называл эту картину самой значимой в своём творчестве. Отчуждение близких людей, не раз становившееся стрежнем произведений автора, и здесь явилось той основой, на которую уложена эмоциональная многослойность повествования.

В психологической драме «Персона»
раскрывается одна из важнейших проблем
современного мира, когда, несмотря на,
казалось бы, нормальное течение

профессионально
й и личной жизни,
человек вдруг
ощущает
одиночество
и бессмысленнос
ть своего
существования.

«То, что моим способом выражения станет кинематограф, было вполне самоочевидно. Я достигал понимания на языке, обходившемся без слов, которых мне не хватало, без музыки, которой я не владел, без живописи, которая меня не трогала. Внезапно у меня появилась возможность общаться с окружающим миром на языке, идущем буквально от сердца к сердцу путями, чуть ли не сладострастно избегающими контроля интеллекта».

